

На правах рукописи

Старцев Дмитрий Дмитриевич

**ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ СДЕЛОК НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ В
БАНКРОТСТВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Москва – 2026 г.

Работа выполнена на кафедре гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Научный руководитель: **Ковалев Сергей Иванович,**
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Официальные оппоненты: **Карелина Светлана Александровна,**
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»;

Егоров Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, профессор департамента частного права факультета права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Ведущая организация **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева».**

Защита диссертации состоится «26» марта 2026 года в 11 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета ПДС 0900.009 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, зал № 3.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите размещено на сайтах ВАК и РУДН: <https://vak.minobrnauki.gov.ru>, <https://www.rudn.ru/science/dissovet>

Автореферат разослан «__» _____ 2026 года.

Ученый секретарь диссертационного совета ПДС 0900.009
кандидат юридических наук

И.А. Гроник

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Диссертация на тему «Основания и порядок признания сделок недействительными в банкротстве по законодательству Российской Федерации» посвящена одному из самых динамично развивающихся субинститутов конкурсного (банкротного) права, часто применяемого судами на практике для защиты прав и законных интересов кредиторов. В связи с многочисленными изменениями в законодательство о несостоятельности (банкротстве) вопрос недействительности сделок по специальным основаниям остается актуальным для цивилистического анализа.

По данным федеральных арбитражных судов Российской Федерации, в 2023 году в арбитражные суды приняли к производству более 430 000 дел о признании должника банкротом (при этом был введен мораторий на возбуждение дел о банкротстве), в сравнение – в 2022 году более 320 000. В связи с чем мы видим, что количество банкротных дел растет с каждым годом и как следствие растет число обособленных дел по признанию недействительными сделок должника.

Современные экономические реалии в России демонстрируют, что институт банкротства используется не как цивилизованный механизм пропорционального удовлетворения требований кредиторов с последующим освобождением должника от обязательств, а как механизм ухода от долгов, создания преференций для отдельных кредиторов, либо для создания оснований для недружественных слияний. Даже когда институт банкротства используется в целях восстановления платежеспособности должника либо защиты прав кредиторов, нередко складывается ситуация, когда имущества у должника уже нет либо невозможно осуществить возврат такого имущества.

Несмотря на растущую роль банкротства в условиях экономического и социального напряжения, многие проблемы института остаются нерешенными и ведут к ошибкам в судебной практике. Так, например, по сей день остаются открытыми вопросы о признании недействительными цепочек сделок должника, сальдировании, распределении бремени доказывания в данной категории дел и многое другое.

Отдельно актуальными становятся вопросы признания сделок недействительными в рамках трансграничных банкротств, что, впрочем, не является предметом анализа в настоящей

работе, так как не требует отдельного выявления каких-либо особых базовых принципов недействительности.

На наш взгляд, решение указанных выше проблем кроется далеко не в практической плоскости, а в цивилистическом базисе, на котором построено российское законодательство о недействительности сделок должника в банкротстве. В связи с чем, акцент настоящего исследования сделан на установлении границ недействительности и определении основных принципов субинститута. Только с учетом данного понимания можно выстроить систему, внедрять какую-либо законодательную классификацию оснований недействительности и в итоге предлагать ее правоприменителю. На сегодняшний день, можно утверждать, что отсутствие такого базиса ведет к непрозрачности существующих составов недействительности в Федеральном Законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (Далее – Закон о банкротстве).

Законодательство содержит 4 основных состава недействительности. Каждый из данных составов имеет набор обязательных критериев, необходимых для его применения. Однако отсутствие понятной классификации в рамках этих составов и сложность в доказывании некоторых критериев создает большие проблемы в правоприменительной практике, например, вопрос о необходимости доказывания добросовестности должника и (или) третьего лица в неравноценных и безвозмездных сделках (п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

Все вышеназванное указывает на необходимость анализа теории и практики применения в банкротных процедурах субинститута признания сделок недействительными, определения основных сложностей и противоречий в правовом регулировании этой сферы правоотношений.

Наличие существенных проблем в толковании и противоречий в применении норм, регулирующих указанный субинститут, является причиной выбора автором темы настоящего исследования.

Цели и задачи исследования. Цели исследования состоят в решении актуальных проблем субинститута признания сделок несостоятельного должника недействительными и в формулировании научных выводов, которые поспособствуют совершенствованию российского законодательства о банкротстве и практики его применения.

Достижению поставленных целей способствует **решение следующих задач:**

- рассмотреть общие принципы признания сделок недействительными в банкротстве;

- рассмотреть новеллы законодательства о банкротстве, появившиеся в последние годы;
- определить основы существования отдельных оснований недействительности;
- определить юридический состав, необходимый для признания сделки в банкротстве недействительной, и характеристика его отдельных элементов;
- установить и изучить специальные основания признания сделок недействительными в банкротстве;
- определить наиболее частые случаи недействительности сделок в банкротстве;
- проанализировать правоприменительную практику на предмет соответствия законодательным нормам о недействительности сделок в банкротстве;
- выработать предложения для совершенствования законодательства и практики.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с оспариванием сделок в рамках процедур банкротства в Российской Федерации.

Предметом исследования выступают российские правовые нормы, практика их применения и российская правовая доктрина в части признания сделок недействительными в банкротстве. Кроме того, анализируются отдельные основания признания сделок недействительными в праве США, Великобритании, Франции, Германии. Исследуется генезис субинститута признания сделок несостоятельного должника недействительными в рамках права Древнего Рима.

Степень разработанности темы. Вопросы оспаривания сделок по специальным основаниям хорошо известны как отечественной, так и зарубежной науке. В частности, стоит упомянуть А. Х. Гольмстена, Г. Ф. Шершеневича, Д. Д. Гримма, М. Планиоля, Х. Коциоля, Г. Дернбурга, Тарашкевича, Л. Ж. де ла Морандьера, М. М. Агаркова, С. Н. Братуся, А. В. Венедиктова, Д. М. Генкина, Л. Гинцберга, Б. С. Мартынова, П. Е. Орловского, З. И. Шкундина и др.

Например, в труде «Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб в современной юридической литературе» анализируются теории признания сделок несостоятельного должника недействительными. Обосновывается возможность вмешательства кредитора в чужие правоотношения (должника и другого кредитора)¹. В работах Г.Ф. Шершеневича «Курс торгового права» и «Конкурсное право»

---

¹ Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб. М.: Издание книг ком, 2019. 264 с.

проводится глубокий анализ института банкротства, а также анализируются отдельные случаи признания сделок должника недействительными. В отдельную категорию выделяются сделки без встречного исполнения, а также сделки со связанными сторонами, однако не приводится глубокий анализ цивилистических основ признания сделок несостоятельного должника недействительными (за исключением очерка основных теорий вмешательства кредитора в чужие правоотношения)². В работе Д.Д. Гримма «Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам» основной упор делается на анализ и критику существовавшего в дореволюционный период регулирования в сфере признания сделок несостоятельного должника недействительными³. В еще одной работе анализируются случаи признания сделок подозрительными, как данный термин понимается в немецкой доктрине⁴. Иные указанные выше авторы в своих многочисленных исследованиях касались проблем основ недействительности сделок (вне банкротства), в том числе классификации недействительных сделок в качестве самостоятельных юридических фактов, правонарушений или деликтов, а также выделяли отдельные пороки (дефекты) сделок.

В списке современных исследователей можно назвать, например, А.Э. Циндяйкину, Р.К. Лотфуллину, О.Р. Зайцева, Е.Д. Суворова, В.С. Белых, А.В. Валуйского, А.П. Вершинина, В.В. Витрянского, В.Ф. Попондуполо, С.В. Сарбаша, А.П. Сергеева, К.И. Скловского, М.В. Телюкину, Ю.К. Толстого, Е.А. Суханова, В.А. Химичева, Л.В. Щенникову, В.Ф. Яковлева, Т.П. Шишмареву, С.А. Кузнецова, В.В. Долинскую, А.В. Егорова, Е.Е. Енькову, Е.А. Колиниченко, О.А. Никитину, Ю.П. Орловского, Н.В. Соколову и др.

В частности, можно обратить внимание на такие работы как: диссертационное исследование А.Э. Циндяйкиной «Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве)», где подробно анализировался генезис современного российского субинститута признания сделок несостоятельного должника недействительными, выводились закономерности в развитии судебной практики, которые привели к реформе законодательства о банкротстве, а также указывались некоторые проблемы субъекта и объекта оспаривания в рамках конкурсного оспаривания⁵. Диссертационное

² См.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 4 т. М.: Статут, 2003; Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М.: Статут, 2021. 477 с.

³ Гримм Д.Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам // Вестник гражданского права. 1915. № 6. С. 10-57; № 7. С. 52-95.

⁴ Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам // Вестник гражданского права. 2017. Том 17. № 3. С. 199-261.

⁵ Циндяйкина А.Э. Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2012. 201 с.

исследование Д.А. Рыкова «Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты», где анализировался основной понятийный аппарат института банкротства, а также разбирались закрепленные в законе и отраженные в судебной практике условия признания сделок недействительными⁶. Диссертационное исследование Т.П. Шишмаревой «Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии», где анализировался процессуальный аспект применения исков против действий, наносящих вред кредиторам⁷. Еще одно диссертационное исследование обобщает некоторые проблемы, существующего регулирования в сфере недействительности сделок несостоятельного должника⁸. Диссертационное исследование Н.В. Соколовой «Недействительности сделки в процедурах несостоятельности (банкротства)», где анализировались особенности признания сделок недействительности отдельных субъектов – кредитных организаций, стратегических предприятий, сельскохозяйственных организаций⁹. Иные авторы, указанные выше, в своих многочисленных работах уделяли внимание как общим проблемам признания сделок недействительными (например, С.В. Сарбаш, А.П. Сергеев, К.И. Скловский, Е.А. Суханов, Ю.К. Толстой, А.В. Егоров и др.), так и фокусировались отдельно на специфике, касающейся конкурсного права. Например, в рамках некоторых работ выделяется классификация оснований для признания сделок несостоятельного должника недействительными, а также приводятся основания к объединению сообщества кредиторов в квазитоварищество¹⁰ (что, в нашем понимании, отчасти корректно, однако мы видим больше сходств с квазикорпорацией, так как отношения кредиторов обусловлены именно интересом в капитале должника, а не в объединении лиц для осуществления совместной деятельности). М. В. Телюкина в ряде своих работ анализирует как в целом теорию конкурсного права, так и отдельные проблемные аспекты субъектов оспаривания сделок несостоятельного должника¹¹.

Методология и методы исследования: компаративистский, диалектический метод, исторический метод, а также иные частно-научные и обще-научные методы.

⁶ Рыков Д.А. Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Иркутск, 2018. 185 с.

⁷ Шишмарева Т.П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03. М., 2022. 546 с.

⁸ Яцева Е.В. Правовое регулирование сделок несостоятельного должника, находящегося в процессе банкротства. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2003. 224 с.

⁹ Соколова Н.В. Недействительные сделки в процедурах несостоятельности (банкротства). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2006. 180 с.

¹⁰ Зайцев О.Р. Оспаривание сделок при банкротстве: о некоторых новеллах закона № 73-ФЗ // Несостоятельность (банкротство): научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / под ред. В.В. Витрянского. М., 2010. С. 86-117.

¹¹ См.: Телюкина М.В. Статус контрагента должника при признании недействительными сделок в конкурсном праве // Закон. 2007. № 7. С. 33-39; Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. 560 с.

Диалектический метод позволил исследовать закономерности механизма образования и развития различных оснований недействительности сделок несостоятельного должника. Структурно-системный метод способствовал выявлению автором негативных изменений на разных уровнях и подсистемах недействительности сделок несостоятельного должника. Сравнительно-правовой и формально-логический методы применялись в работе при анализе законодательства и правоприменительной практики различных государств. С помощью исторического метода исследована эволюция воззрений научного мира о субинституте недействительности сделок несостоятельного должника. Для анализа, прежде всего, эмпирического материала в работе применялись функциональный, конкретно-социологический, статистический и другие специальные методы научного познания.

Теоретическую основу диссертации составили труды А. Х. Гольмстена, Г. Ф. Шершеневича, Х. Коциоля, М. М. Агаркова, А. В. Венедиктова, С. Н. Братуся, В. С. Белых, А. П. Вершинин, С. А. Кузнецов, Д. М. Генкина, Л. Гинцберга, В. К. Пучинского, П.Е. Орловского, Т. П. Шишмаревой и других известных ученых.

Среди современных авторов можно также указать на Ж. Н. Потихонину, М. Дячука, Д. С. Слонова, А. Г. Карапетова, Р. Т. Мифтахутдинова, А. И. Шайдуллина, И. М. Шевченко, О. Р. Зайцева, В. П. Быкова, Е. В. Черникову, И. В. Маркелову, М. С. Кудинову, К. А. Тарасова, А.В. Бруцкого, С. И. Ковалева, С. С. Кислова, Е. Козину, А. Э. Циндяйкину, Р. К. Лотфуллину, В. С. Белых, А. В. Валуйского, А. П. Вершинина, С. В. Сарбаша, А. П. Сергеева, К. И. Скловского, М. В. Телюкину, В. В. Долинскую, А. В. Егорова и др.

В частности, в настоящем исследовании приводятся основные мысли известных российских и зарубежных авторов, касающиеся теории сделок, теории банкротства, а также отдельных вопросов признания сделок недействительными как в банкротстве, так и вне его. В части современных исследований приводятся ссылки на работы, посвященные актуальным проблемам часто используемых на практике схем по получению предпочтения в банкротстве, попыткам обезопасить имущество путем совершения ряда цепочек сделок, сальдированию требований должника, проблемам, связанным с широким применением ст. 168 ГК РФ в банкротстве, а также оценке нерыночности сделок.

Нормативно-правовую основу диссертационного исследования составляют законы и подзаконные акты Российской Федерации и зарубежных стран, касающиеся субинститута признания сделок недействительными в конкурсном праве. Использовались официальные

источники, оригиналы, копии, справочно-правовые системы, периодические издания в сети Интернет.

Эмпирическая основа диссертационного исследования включает судебную практику Верховного Суда Российской Федерации и других российских и иностранных судов.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые сделано цивилистическое исследование оснований и принципов недействительности сделок несостоятельного должника в банкротстве в современном периоде. В российской цивилистике исследования, фокусирующиеся на основах признания сделок несостоятельного должника недействительными и применении принципов, сформулированных в теории, анализе текущей правоприменительной практики через призму основ субинститута признания сделок несостоятельного должника недействительными, а также выявлении границ и критериев (либо несформулированных, либо нечетко оформленных правоприменителем и законодателем) признания сделок недействительными, ранее не проводились и не систематизировались. В данном исследовании раскрываются основные начала признания сделок несостоятельного должника недействительными, в том числе для целей определения вектора развития судебной практики и корректировки законодательства. На основе генезиса субинститута и принципов были сформулированы границы применения положений о недействительности сделок несостоятельного должника и выделены базовые проблемы субинститута, которые ранее не затрагивались либо были недостаточно освещены в юридической науке. Новизна **выражена в содержании работы, а также в следующих положениях, выносимых на защиту:**

1. Доказано, что с точки зрения конкурсного права необходимо исходить из разделения оснований недействительности сделок несостоятельного должника на «субъективные» и «объективные», а не на «подозрительные» и «с предпочтением», как это заложено в российском законодательстве. В основе классификации должен лежать субъективный элемент (намерение должника и его контрагента причинить вред кредиторам). При его отсутствии сделка может быть признана недействительной по объективному критерию, т.е. при установлении обстоятельств, не связанных с личностью должника (при этом в случае нерыночности сделки намерение должника причинить вред хоть не устанавливается, но презюмируется, а в случае преференциальности сделки - может отсутствовать вовсе).

2. Установлено, что первым основанием недействительности сделок должника в банкротстве является субъективное основание, в основе которого лежит *Actio Pauliana* (т.е. иск, направленный на оспаривание намеренных действий должника по отчуждению

имущества, в результате которых кредиторы не могут удовлетворить требования к должнику из его имущественной массы). С развитием кодифицированного законодательства мировые правовые порядки начали объединять различные случаи оспаривания в группы. Акцент с субъективного критерия оспаривания - недобросовестности должника - начал смещаться в сторону объективного критерия, в рамках которого достаточно доказать нанесение вреда правам кредиторов (как правило, путем уменьшения имущественной массы должника) либо наличие объективных презумпций такого вреда. Доказано, что такой подход является оправданным в условиях банкротства, так как соответствует принципу дистрибутивной справедливости (т. е. справедливости, которая основана на распределении бремени доказывания (в т. ч. с использованием опровержимых презумпций определенных фактов) и рисков между должником и его кредиторами);

3. Доказано, что основной проблемой субинститута недействительности сделок в банкротстве является поиск баланса между добросовестностью участников гражданского оборота, которая защищает его стабильность, и принципами *pro rata* (принцип пропорционального равенства кредиторов должника) / *pari passu* (принцип равенства правового режима/очередности кредиторов должника), которые защищают интересы (в первую очередь имущественные) кредиторов должника в банкротстве. Для того чтобы найти этот баланс, необходимо выстроить ряд юридических конструкций, которые бы позволили избежать отклонений в крайности, такие как – презумпции добросовестности участников оборота, презумпции рыночности сделок, границы применения общих оснований признания сделок недействительными, более оправданные с точки зрения дистрибутивной справедливости последствия недействительности сделок, постоянный контроль соблюдения принципов *pro rata* и *pari passu* судами и пр. В связи с этим все отдельные проблемы субинститута признания сделок несостоятельного должника недействительными должны рассматриваться через противоборство указанных принципов, а их решение заключается в поиске такого баланса и определении границ недействительности;

4. Обосновано, что субъективное основание оспаривания требует не только доказывания недобросовестности должника, но и недобросовестности третьего лица (контрагента по оспариваемой сделке). Основную же проблему объективных оснований составляет перечень случаев, при которых возможно признать сделку должника недействительной, несмотря на добросовестность третьего лица. С точки зрения экономического обоснования возможности признать сделку недействительной, несмотря на

добросовестность третьего лица, наиболее полной является концепция исключительной охраны интересов кредиторов, поскольку она признает за кредиторами особые права на переданное должником имущество, что, в свою очередь, обусловлено совокупным статусом кредитора и должника как квази-корпорации.;

5. Доказано, что при оспаривании сделок в банкротстве умысел и неосторожность должны использоваться при доказывании вины должника и вины третьих лиц соответственно. Но поскольку в рамках стандартов «умысла» и «неосторожности» оцениваются не реальное знание лица, а те объективные обстоятельства, которые накладывали бы на него презумпцию такого знания, то субъективная сторона для должника и третьих лиц приобретает элемент объективности. От субъективной стороны остается только то, что должник и третьи лица вправе опровергнуть данную презумпцию посредством доказывания своей добросовестности;

6. Доказано, что для целей обеспечения стабильности гражданского оборота определение объективной стороны оспоримой сделки, т. е. вреда кредиторам (вреда имущественной массе должника либо нарушение очередности удовлетворения требований кредиторов) не может основываться только на усмотрении суда. В частности, при определении неравноценности сделки необходимо анализировать отклонение от цены сделки и/или иных условий, привычных для участников гражданского оборота, также необходимо привлечение профессионального оценщика, так как это дает возможность участникам оборота прогнозировать последствия своих действий и исключает серьезные расхождения в судебной практике. Наличие такой оценки должно создавать опровержимую презумпцию, что сделка равноценна;

7. Доказано, что использование ст. 10 ГК РФ в банкротстве должно быть исключено, а использование ст. 168 и 169 ГК РФ - ограничено общими сроками, установленными законодательством о банкротстве. Законодательство о банкротстве уже содержит ряд специальных по отношению к ГК РФ норм, раскрывающих, какие признаки злоупотребления могут привести к оспариванию сделки. В случае, если в действиях должника и/или его контрагентов присутствует злоупотребление (то есть выход за границы содержания субъективного права или за пределы возможного осуществления этого субъективного права), сделка может быть оспорена на основании статей 168 или 169 ГК РФ (без применения статьи 10 ГК РФ, которая является излишней при ссылке на указанные ранее статьи ГК РФ). В противном случае обширная практика применения ст. 10 и ст. 168 ГК РФ приведет к дестабилизации оборота и использованию данных норм в обход специальных сроков давности,

предусмотренных ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве. При этом доказано, что при применении последствий оспаривания сделок по общим основаниям статей 168 и 169 ГК РФ, возникшие в порядке реституции требования кредиторов подлежат удовлетворению после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди (п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве);

8. Выявлено, что в российской практике вопрос возможности использования *Actio Pauliana* вне банкротства пока остаётся недостаточно разработанным для большинства хозяйствующих субъектов. Мировая тенденция (как и сами истоки возникновения *Actio Pauliana*) указывает, что такой иск может быть использован и вне банкротства. Ключевым вопросом, который должен изучить суд при применении *Action Pauliana*, является вопрос о том, навредила ли сделка сообществу кредиторов должника. Кредиторы в данном случае воспринимаются как фикция. При этом, чтобы данный способ защиты не применялся против любых сделок, необходимо, чтобы сделка явно содержала элементы недобросовестности (а не только объективную подозрительность, которая может изучаться судом без анализа недобросовестности в рамках конкурсного процесса). Данные подходы корректны и требуют отражения в регулировании;

9. Доказано, что последствия конкурсного оспаривания носят либо реституционный, либо кондикционный характер. При этом необязательно должно происходить восстановление первоначального состояния сторон, которое предшествовало сделке. Реституция допускается в том случае, если контрагент должника по сделке имел злой умысел, направленный на причинение вреда. Иначе обстоят дела, в случае отсутствия такого умысла – сделка проверяется и пересматривается, а часть сделки, влекущая вред интересам иных лиц становится неосновательным обогащением для кредитора, чья сделка оспаривается. Выявлено, что правопорядки вырабатывают достаточно обширный инструментарий, позволяющий кредиторам получить исполнение, не затронув права третьих лиц (например, возврат в имущественную массу только суммы, превышающей рыночную стоимость, оставление имущества у кредитора с наложением ограничительных мер и др.).

10. Обосновано, что в законодательство требуется внести изменения в части отражения различного подхода к последствиям недействительности сделок несостоятельного должника. Также доказано, что с т.з. российского права допустимо оспаривание «цепочек сделок» должника как единого акта, если все участники цепочки связаны злым умыслом (являются недобросовестными). При этом при применении объективных оснований недействительности возможно предъявление кондикционного иска к добросовестному третьему лицу – как к

первому звену цепочки, так и к конечному. В таком случае нет необходимости учитывать стандарты добросовестности, предусмотренные ст. 302 ГК РФ. Однако для применения объективного основания в таком случае требуется доказать нерыночность, выраженную в несоответствии стоимости оспариваемых сделок стоимости аналогичных сделок, заключаемых на рынке;

11. Установлено, что любой анализ недействительности сделки начинается в первую очередь с выявления информации о сделке, которая может быть получена из публичных источников и внутренних документов должника. После получения указанной информации необходима квалификация сделки в соответствии с конкретным основанием недействительности, предусмотренным Законом о банкротстве или ГК РФ. Следующим этапом в признании сделки недействительной является обоснование отдельных признаков, содержащихся в конкретном основании недействительности. В рамках данного этапа наибольшую роль играют презумпции и бремя доказывания наличия или отсутствия указанных критериев. Доказано, что в настоящее время применяется упрощенный стандарт доказывания недействительности сделки, поскольку истцу лишь достаточно *prima facie* указать на наличие оснований недействительности, в свою очередь на должника и третье лицо (противника по оспариванию) ложится обязанность опровергнуть указанные факты. Процессуальное бремя должника и третьих лиц является слишком тяжелым, и, чтобы достигнуть баланса в отношении распределения доказательственных рисков, необходимо снизить стандарт доказывания рыночности сделки и добросовестности для контрагентов должника;

12. Установлено, что критерий неравноценности определяется судом в каждом конкретном случае, однако зачастую в основу ложится сопоставление рыночной цены имущества и его цены в договоре. Фраудаторные подозрительные сделки содержат следующие элементы: 1) намерение должника; 2) факт вреда; 3) знание контрагента о вредоносном последствии сделки; 4) совершение сделки определенными законом периоды. Элементы 2 и 4 являются объективными, элементы 1 и 3 являются субъективными. Ключевую роль в процессе доказывания субъективных оснований играют презумпции, которые перемещают доказательственные риски. Закон о банкротстве презюмирует недобросовестность должника и третьих лиц (противников по оспариванию), что является единственным способом преодолеть процессуальную асимметрию. Судебная практика демонстрирует, что судьи не всегда способны разграничивать случаи объективных оснований недействительности и субъективных оснований недействительности, оценивая сделки с неравноценным встречным

предоставлением на наличие недобросовестности сторон. Кроме того, суды смешивают стандарты знания кредиторов должника, что обусловлено недоработкой, законодателя, поскольку второй критерий явно поглощает первый. Кроме того, следует отметить, что судами не в полной мере исследуется вопрос субъективной стороны, поскольку зачастую судебные акты не содержат достаточной мотивировки в отношении указанного критерия. Учитывая тот факт, что от прозрачности и точности применения принципа добросовестности зависит стабильность гражданского оборота, данному вопросу требуется уделять особое внимание в рамках развития судебной практики, что в настоящее время зачастую не происходит;

13. Составы недействительности преференциальных сделок должны быть перенесены в категорию исключительно субъективных оснований, поскольку они не могут быть обоснованы принципом *pro rata* и, как следствие, представляют серьезную угрозу стабильности гражданского оборота. Доказано, что их применение допускается только в случае, если имеется явный злой умысел третьего лица, направленный на получение приоритета перед другими кредиторами (если такой приоритет не является легальным). Единственным исключением, когда такие сделки могут не относиться к субъективным, является их заключение после принятия судом заявления о признании должника банкротом, так как в данном случае презюмируется, что заключение преференциальной сделки направлено исключительно на получение преимущества перед другими кредиторами;

14. Установлено, что преференциальные сделки по законодательству о банкротстве Российской Федерации объединяют в себе два состава – объективно преференциальные сделки и субъективно преференциальные сделки (с элементом фраздаторности). Они напрямую нарушают принципы *pro rata* и *pari passu*, в то время как подозрительные сделки нарушают указанные принципы не напрямую, а опосредованно и требуют более тщательного анализа со стороны правоприменителя. При этом доказано, что должна быть прекращена практика по признанию законности сальдирования при оценке его на соответствие ст. 61.3 Закона о банкротстве, поскольку сальдирование (и аналогичные институты, в т.ч. зачет) является ярким примером преференциальной сделки, т.е. напрямую нарушает указанные выше принципы (за исключением единственного случая – когда сальдирование благоприятно для должника и его имущественной массы, что оправдывает сделку с т.з. дистрибутивной справедливости).

Теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования выражена в том, что оно указывает на неточности и пробелы регулирования банкротства, позволяет определить предложения, направленные на улучшение и

совершенствование такого регулирования, а также создает границы для применения субинститута признания сделок недействительными в банкнотном законодательстве.

Практическая значимость выражается в дальнейшем использовании результатов исследования в работе практикующих юристов, а также правоприменителя, что неизбежно повлечет развитие исследуемого субинститута и его дальнейшее научное изучение.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Обоснованность и достоверность диссертационного исследования подтверждается наличием обширного спектра методов исследования, большой нормативной и доктринальной базой, детальным изучением и анализом материала и выявлением закономерностей и выводов.

Некоторые исследования и выводы отражены в научных публикациях диссертанта: всего по теме диссертационного исследования было опубликовано 3 статьи (ВАК/РУДН/МБЦ), из них ИФ / К1.2/МБЦ – 3, а также 8 научных статей ранее 5-летнего периода. Результаты исследования прошли апробацию во время участия в 4 научных конференциях, а также в практической деятельности в рамках таких организаций как Clifford Chance CIS Ltd., АБ Егоров, Пугинский, Афанасьев и Партнеры, АБ Лидингс, АО ВТБ Капитал, ООО «НРБ-Капитал» и др.

Структура и содержание работы. Настоящая работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, его теоретическая основа, научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, определяется научная и практическая значимость диссертационного исследования.

В **Главе I «Общая характеристика субинститута признания сделок несостоятельного должника недействительными»** автор проводит историческое исследование института недействительности сделок несостоятельного должника и развития его правовой регламентации в различных юрисдикциях. В рамках данной главы устанавливаются принципиальные рамки банкротного оспаривания через призму принципов права, а также определяются проблемные аспекты отдельных элементов юридического состава недействительности сделок.

В **первом параграфе первой главы «История развития субинститута недействительности сделок несостоятельного должника в России и мире»** автор рассматривает исторический генезис банкротства, и института недействительности сделок в банкротстве, как его части. Из данного генезиса можно сделать вывод, что институт недействительности сделок несостоятельного должника права, эволюционировал из формы физического насилия над должником в цивилизованный механизм защиты прав должника и его кредиторов.

Сам по себе механизм оспаривания был создан для того, чтобы исключить недобросовестное поведение должника и восполнить его имущественную массу, чтобы в дальнейшем распределить её между кредиторами. С течением времени данный механизм показал свою наибольшую эффективность с точки зрения справедливой дистрибуции благ между субъектами банкротного права.

С развитием кодифицированного законодательства, правовые порядки начали объединять различные случаи оспаривания в группы – основания. Недобросовестность должника, являлось исторически первым основанием недействительности сделки, и отождествлялась с *Actio Pauliana*. В дальнейшем, акцент с субъективного критерия оспаривания – недобросовестности должника, начал смещаться в сторону объективного критерия, в рамках которого достаточно лишь совершения определенных юридических действий, чтобы их оспорить (например, дарения незадолго до начала банкротства).

В России институт банкротства также имеет глубокие корни, однако пристальное внимание недействительности сделок должника было отдано лишь в последнее столетие существования Российской Империи. При этом законодательство было во многом основано на идеях немецкого права. В частности, такой рецепции способствовали труды научных исследователей, самыми видным из которых являлся Г.Ф. Шершеневич. Советский период охарактеризован стагнацией института банкротства, в то время как постсоветский период показывает, что институт вобрал в себя многие идеи американского опыта о банкротстве (в частности, казуальность оснований недействительности, а также субинститут экстраординарности сделок). Между тем, на данном этапе российские правила недействительности сделок несостоятельного должника скорее представляют собой симбиоз европейской и англо-американской моделей.

Во втором параграфе «Общие положения о признании сделок несостоятельного должника недействительными» автор пытается найти пределы недействительности сделок в банкротстве, по средствам анализа принципов банкротного права.

Камнем преткновения в рамках данного вопроса становится противоборство принципов *pro rata / pari passu*, которые защищают интересы кредиторов в банкротстве и общегражданского принципа добросовестности участников оборота. Для того, чтобы лучше понять суть данного противоборства необходимо рассмотреть казус, в котором должник заключает сделку с добросовестным третьим лицом, в связи с чем возникает вопрос, можно ли ограничить права добросовестного участника оборота, признав сделку недействительной, в интересах кредиторов должника. С одной стороны, положительный ответ на данный вопрос позволяет уравнивать всех кредиторов между собой и по средствам дистрибутивной справедливости распределить имущество между ними в равных долях. С другой стороны, под угрозой ставится стабильность гражданского оборота, поскольку даже добросовестные участники оборота вынуждены будут закладывать риски аннулирования сделки, что в значительной степени будет снижать их энтузиазм участия в экономической деятельности.

В связи с чем, автор приходит к выводу, что объективные основания недействительности в банкротстве (основания, которые не требуют учета добросовестности третьего лица (противника по оспариванию)) могут применяться только в крайних случаях и требуют серьезного политико-правового и экономического анализа. Сама возможность существования объективных оснований наиболее полно объясняется в рамках концепции исключительной охраны интересов кредиторов, которая предусматривает наличие у

кредиторов несостоятельного должника особого права на защиту своих прав, в том числе против контрагентов должника.

Используя принцип дистрибутивной справедливости и экономический анализ, автор определяет следующие составы недействительности, которые могут быть отнесены к объективному основанию: безвозмездные сделки, сделки с неравноценным встречным предоставлением, сделки с обеспечением.

В третьем параграфе «Отдельные проблемы подинститута признания сделок несостоятельного должника недействительными» автор определяет общий юридический состав, накопление которого необходимо для признания сделки несостоятельного должника недействительной. Данный состав включает в себя четыре элемента: 1) субъект оспаривания; 2) объект оспаривания; 3) субъективную сторону оспаривания; 4) объективную сторону оспаривания.

В рамках каждого из данных элементов, автор ставит отдельные вопросы, ответы на которые предоставляются в рамках Параграфа 1 Главы 2.

Для элемента 1 – субъект оспаривания – это:

- определение круга субъектов, уполномоченных на оспаривание сделок от лица кредиторов;
- определение порогового значения для возможности инициировать оспаривание.

Для элемента 2 – объект оспаривания – это:

- определение понятия «сделка» и соотношение его с понятиями «иные действия», «бездействия», «правовой акт» и тд.
- возможность оспаривания «цепочек сделок»;
- возможность оспаривания бездействия;
- возможность оспаривания процессуальных актов.

Для элемента 3 – субъективная сторона оспаривания – это:

- определение степени вины и стандарта поведения, которые требуется от участников оборотов при заключении сделок;
- установление презумпций, которые позволяли бы добросовестным третьим лицам защитить себя, обеспечивая интересы общественного кредита;
- разграничение случаев объективного и субъективного оспаривания – определение четкого перечня обстоятельств, когда установление субъективной стороны не требуется.

Для элемента 4 – объективная сторона оспаривания – это:

- определение длительности пресекательных сроков для конкретных оснований недействительности;
- начало течения срока исковой давности и возможность его восстановления. В рамках дела о банкротстве данная проблема усложняется тем, что срок подлежит исчислению с момента субъективного знания арбитражного управляющего, что позволяет восстанавливать возможность оспаривания сделок, совершенных многие годы назад.
- определение значения критерия убыточности для недействительности сделки.

В Главе II «Основания и последствия признания сделок несостоятельного должника недействительными» автор подробно исследует элементы состава, основания и последствия недействительности сделок в банкротстве.

В первом параграфе «Юридический состав необходимый для признания сделок несостоятельного должника недействительными» автор делит повествование на пункты, которые соответствуют наименованию элементов, упомянутых в Параграфе 3 Главы 1: 1) субъект оспаривания; 2) объект оспаривания; 3) субъективную сторону оспаривания; 4) объективную сторону оспаривания.

В рамках рассмотрения элемента «субъект оспаривания», автор задается вопросом: кто имеет легитимное право выступать от интересов кредиторов, инициируя оспаривание? Российское законодательство, как и законодательство многих развитых стран пришло к выводу о том, что таким правом обладает арбитражный управляющий – лицо изначально, играющее роль представителя кредиторов, а также наиболее сильный кредитор – обладающий определенным пороговым процентом от суммы требований кредиторов. Вместе с тем, наличие такого ценза не позволяет миноритарным кредиторам активно реализовывать своё право на защиту в рамках банкротства. Кроме того, предоставление такого права повышает шансы пополнить конкурсную массу, поскольку повышается число лиц, способных инициировать оспаривание.

Элемент «объект оспаривания» отражает те правовые действия и (или) бездействия, которые могут быть признаны недействительными в банкротстве. На первоначальном этапе рассмотрения данного вопроса возникает терминологическая путаница, которая связана с тем, что границы понятия «сделка» в российском законодательстве до конца не определены. В связи с чем, банкротное право, столкнувшись с вопросами недействительности бездействий,

процессуальных актов и иных юр. действий, вынуждено было добавить в объект оспаривания понятие «иные действия должника», тем самым избегая извечной правовой дискуссии о природе сделки и ее границах. Вместе с тем, на данный момент терминология Закона о банкротстве не учитывает возможность оспаривания бездействий, поэтому в качестве наиболее абстрактного понятия автором предлагается использовать «юридический акт». Кроме того, автор приходит к выводу о возможности оспаривания процессуальных действий должника; а также о возможности оспаривания цепочек сделок, в качестве единого акта, если все участники цепочки связаны злым умыслом, и предъявления кондикционного иска к добросовестному третьему лицу – как первому звену цепочки, так и к конечному.

Элемент «субъективной стороны» является ключевым в субъективных основаниях недействительности. Данный элемент включает необходимость доказывания недобросовестности должника и третьего лица. При установлении вины должника используется стандарт «умысла», а при установлении вины третьих лиц «неосторожность». Сама по себе субъективная сторона должника и третьих лиц теряет элемент субъективности, поскольку в рамках стандарта «умысла» и «неосмотрительности» мы чаще всего оцениваем не реальное знание лица, а те объективные обстоятельства, которые накладывали бы на него презумпцию такого знания. От субъективной стороны остается только то, что должник и третьи лица вправе опровергнуть данную презумпцию по средствам доказывания своей добросовестности.

Элемент «объективной стороны» включает в себя два вопроса – это критерий убыточности действий должника и сроки.

Автор приходит к выводу о том, что «убыточность оспариваемого акта» подразумевая под собой сугубо экономический критерий, который приобретает своё правовое значение непосредственно при оценке применения последствий недействительной сделки. Поскольку последствием недействительности является двусторонняя реституция - стороны обязаны вернуть все полученное по сделке (ст. 167 ГК РФ). В связи с чем, когда кредиторы осознают, что в результате двусторонней реституции получат больше имущества, чем потеряют, то тогда можно говорить об убыточности такого акта и инициировать оспаривание. Кроме того, учитывая, что кредиторы в процессе банкротства исходят из максимальной процессуальной экономии, то можно утверждать, что не каждая сделка, даже имея признак убыточности будет оспариваться кредиторами. На наш взгляд представляется обоснованным установить порог для оспаривания сделок, который будет «привязан» к сумме реальных активов должника,

аналогично крупным сделкам в корпоративном законодательстве. Такой механизм оградил бы процедуру банкротства от ненужных затрат на бесперспективное оспаривание, которое лишь потратит ресурсы кредиторов. Вместе с тем, открытым остаются вопросы о том, где должно проходить это пороговое значение и является ли оно абсолютным для всех случаев.

Сроки при оспаривании делятся на пресекательные (это период, в который совершенная сделка может быть оценена на соответствие признаков недействительности) и срок исковой давности (момент, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права). Установление объективных сроков связано с защитой оборота от оспаривания любых действий должника, совершенных до начала процедуры банкротства. Длительность пресекательного срока зависит от субъективной стороны – если добросовестность контрагента не требуется, то период более короткий, поскольку добросовестные третьи лица не должны опасаться риска оспаривания в течении продолжительного времени. Исковая давность же является субъективной и отсчитывается с момента, когда первоначально-утвержденный арбитражный управляющий узнал или должен был узнать о нарушении права.

Во втором параграфе **«Основания недействительности сделок несостоятельного должника»** диссертант рассматривает четыре вопроса: 1) общие положения об основаниях недействительности сделок несостоятельного должника; 2) вред и злая направленность как основание недействительности сделки; 3) вред без направленности *per se* (экстраординарность) как основание недействительности сделки; 4) признание сделки недействительной вне конкурса.

В рамках первого вопроса: «Общие положения об основаниях недействительности сделок несостоятельного должника» автор анализирует существующую законодательную классификацию оснований недействительности в Законе о банкротстве. Основной вывод в рамках данного параграфа заключается в том, что деление оснований недействительности на «подозрительные» и «с предпочтением», заложенное в российском законодательстве, не имеет какого-либо *ratio*, поскольку, как подозрительная сделка в известной степени может оказывать предпочтение одному из кредиторов должника, так и сделка с предпочтением может вызывать подозрительность с точки зрения ее правомерности. Оценивая исторически сложившееся деление на субъективные и объективные основания недействительности, автор делает вывод, что в основе классификации должен лежать субъективный элемент. В зависимости от его наличия или отсутствия, основания недействительности сделок в банкротстве должны делиться на объективные (ненаправленные на причинение вреда кредиторам) - п. 1 ст. 61.2, п. 3 ст. 61.3

Закона о банкротстве; и субъективные (направленные на причинение вреда кредиторам) - п. 2 ст. 61.2, п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

В рамках второго, вопроса: «Вред и злая направленность как основание недействительности сделки», посвященного субъективному основанию недействительности сделок в банкротстве, автор изучает развитие данного критерия в иностранных правовых порядках и приходит к выводу о его универсальности в делах о банкротстве. Критерий вреда и злой направленности (недобросовестности) является исторически первым и составляет основу *Actio Pauliana*. При этом, для предъявления *Actio Pauliana* требуется установление недобросовестности не только должника, но и третьего лица (противника по оспариванию). В российском праве субъективные основания закреплены в п. 1 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве. Однако, в п. 3 ст. 61.3 Закона требует установления недобросовестности лишь третьего лица (противника по оспариванию), что также соответствует условиям предъявления *Actio Pauliana*. Кроме того, автор оценивает практику применения *Actio Pauliana* по средствам использования не специальных составов закона о банкротстве, а ст. 10 и ст. 168 ГК РФ. Признания сделок недействительными по средствам общих оснований недействительности возможно, однако не должно использоваться в обход специальных составов, с целью облегчения бремени доказывания, поскольку это приводит к деградации института банкротного оспаривания и наносит ущерб гражданскому обороту.

Третий вопрос данного параграфа посвящен такому основанию недействительности, как: «Вред без направленности *per se* (экстраординарность)». Наряду с субъективными основаниями оспаривания, которые черпают свое начало из *Actio Pauliana* в российском праве существуют объективные основания оспаривания, которые не требуют доказательства недобросовестности должника и третьего лица (противника по оспариванию). Основной предпосылкой существования объективных оснований являются принципы *pro rata* и *pari passu*. В российском праве объективные основания отражены в п. 1 ст. 61.2 (подозрительные сделки, ненаправленные на причинение вреда кредиторам) и п. 2 ст. 61.3 (преференциальные (с предпочтительностью) сделки, ненаправленные на причинение вреда кредиторам) Закона о банкротстве. Однако, по мнению автора, Составы недействительности, предусмотренные абз. 3, 4 п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве, должны быть перенесены в категорию субъективных оснований, поскольку они не могут быть обоснованы принципом *pro rata* и как следствие представляют серьезную угрозу стабильности гражданского оборота.

Далее автор рассматривает вопрос внеконкурсного оспаривания. Исследуя мировые тенденции внеконкурсного оспаривания и развитие данного субститута в российском праве, в работе делается вывод о том, что внеконкурсное оспаривание активно развивается в иностранных юрисдикциях и в России. Однако, внеконкурсное оспаривание основано на *Actio Pauliana*, в связи с чем, в рамках него не могут применяться объективные основания недействительности. Обратный вывод привел бы к тому, что банкротные механизмы, рассчитанные на наиболее критические ситуации взаимоотношения контрагентов, избыточно влияли бы на гражданский оборот, снижая его эффективность.

В третьем параграфе «Последствия признания сделок несостоятельного должника недействительными» автор рассматривает общие и специальные последствия недействительности сделок несостоятельного должника. Двусторонняя реституция, которая является общим последствием недействительности российского законодательства является явно асимметричной, поскольку противник по оспариванию получает лишь право включить свое требование в реестр кредиторов. Российское законодательство о банкротстве предусматривает два специальных последствия недействительности: 1) для сделок, направленных на причинение вреда, – удовлетворение требования противника по оспариванию после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди, 2) для сделок, ненаправленных на причинение вреда, – удовлетворение требования противника по оспариванию в рамках требований третьей очереди. По мнению автора, можно утверждать, что последствия недействительности в Законе о банкротстве представляют собой своего рода санкцию, поскольку разные последствия влекут различные шансы на успех кредиторов в деле о банкротстве.

Рассматривая вопрос реституционного требования третьего лица (контрагента по оспариванию) автору представляется неверным подход к последствиям недействительности вещных сделок, в ситуациях, когда кредитору, обладающему притязанием на данное имущество, даётся право истребовать его из конкурсной массы в приоритетном порядке, поскольку такое решение прямо нарушает принцип *pro rata* и *pari passu*.

Автор также приходит к выводу, что для случаев признания сделок недействительными по ст. 10 и ст. 168 ГК РФ, должно предусматриваться последствие, идентичное сделкам, направленным на причинение вреда кредиторам, – требования подлежат удовлетворению после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди (п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве), поскольку оба основания по своей природе являются *Actio Pauliana*.

В Главе III «Порядок признания сделок несостоятельного должника недействительными» автор проводит исследование российской судебной практики на соответствие тем принципиальным положениям, которые были установлены в рамках первых двух глав. Структура данной главы делится на 1) общие положения об анализе сделки на предмет наличия оснований недействительности; 2) анализ признания недействительными подозрительных сделок; 3) анализ признания недействительными сделок с предпочтением.

Несмотря на несогласие с законодательной классификацией оснований недействительности сделок в банкротстве, в рамках данного параграфа, автор следует непосредственно ей для удобства поиска, изучения и компоновки судебной практики.

В первом параграфе «Общие положения о порядке признания сделки недействительной в банкротстве» диссертант исследует практические шаги, которые реализует правоприменитель в процессе признания сделок недействительными и дает характеристику каждому этапу.

Первый этап - это выявление информации о сделке, которая может быть получена из: а) бухгалтерского баланса; б) банковских выписок с лицевого счета должника; в) сведений из списка аффилированных лиц; г) адвокатского запроса; д) судебного запроса; е) сведений из единых государственных реестров; ж) системы профессионального анализа рынков и компаний (СПАРК); з) данных о судебных спорах, участниками которых являлся должник.

Второй этап – это квалификация сделки в соответствии с конкретным основанием недействительности, предусмотренным Законом о банкротстве или ГК РФ. В рамках данного этапа в практике слишком часто используются общие основания недействительности (ст. ст. 10 и 168 ГК РФ) в обход специальных оснований недействительности, установленных Законом о банкротстве, что обусловлено более сложным обоснованием в применении последних. Однако, такой подход в практике правоприменителя ведет к нивелированию института банкротного оспаривания, а также к нарушению стабильности гражданского оборота.

Третий этап - обоснование отдельных признаков, содержащихся в конкретном основании недействительности. В рамках данного этапа наибольшую роль играют презумпции и бремя доказывания наличия или отсутствия указанных критериев. В данный момент можно утверждать о наличии упрощенного стандарта доказывания недействительности сделки, поскольку истцу лишь достаточно *prima facie* указать о наличии оснований недействительности, в свою очередь на должника и третье лицо (противника по оспариванию) ложится обязанность опровергнуть указанные факты. Анализируя стандарт доказывания *prima*

facie, автор приходит к выводу о том, что бремя доказывания своей добросовестности должником и третьими лицами является слишком тяжелым, и чтобы достигнуть эквilibриума в отношении распределения доказательственных рисков необходимо снизить стандарт доказывания рыночности сделки и добросовестности для указанных лиц.

Во втором параграфе «Порядок признания недействительными подозрительных сделок» автор анализирует подозрительные сделки, ненаправленные на причинения вреда кредиторам (п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве) и направленные на причинение вреда кредиторам (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

Подозрительные сделки, ненаправленные на причинения вреда кредиторам (неравноценные сделки) содержат два обязательных элемента: 1) наличие неравноценного встречного предоставления; 2) совершение сделки в течение 1 года до принятия судом заявления о признании должника банкротом или после указанного заявления. Данные элементы носят объективный характер, доказывание недобросовестности должника и третьих лиц по данному основанию не требуется.

Критерий неравноценности определяется судом в каждом конкретном случае, однако зачастую в основу ложится сопоставление рыночной цены имущества и его цены в договоре. Для точного определения рыночной цены в данных спорах зачастую привлекается профессиональный оценщик, что безусловно является позитивным показателем. Практика исходит из того, что бремя доказывания указанных обстоятельств, несмотря на общий стандарт доказывания *prima facie* лежит на истце (кредиторах или арбитражном управляющем).

Неверным в данной категории дел автор считает определение безусловных процентных значений, которое выражает отличие рыночной цены имущества от цены по конкретной сделке, поскольку при таком подходе не учитываются множественные сопутствующие сделке обстоятельства (конъюнктура рынка, взаимоотношения сторон в долгосрочной перспективе, неценовые условия сделки). Также неверным представляется подход судебной практики, не позволяющей признавать недействительными безвозмездные сделки по рассматриваемому основанию, так как данный вывод не соответствует принципу дистрибутивной справедливости и выводам экономического анализа, представленным в рамках Параграфа 2 Главы 1.

Подозрительные сделки, ненаправленные на причинение вреда кредиторам (франдаторные сделки) содержат четыре обязательных элемента: 1) намерение должника причинить вред кредиторам; 2) наличие вреда; 3) осведомленность третьего лица (противника

по оспариванию) о намерении должника; 4) совершение сделки в течение 3 лет до принятия судом заявления о признании должника банкротом или после указанного заявления.

Элементы 2 и 4 являются объективными, элементы 1 и 3 являются субъективными, в связи с чем требуют доказательство недобросовестности должника и третьих лиц. Бремя доказывания субъективных критериев, ложится на истца, однако, в силу пониженного стандарта, *prima facie* фактически бремя доказывания добросовестности третьих лиц ложится на должника и третьих лиц. Бремя доказывания объективных критериев, как и в случае со сделками с неравноценным встречным предоставлением, ложится на истца. Критерий вреда оценивается аналогично со сделками по п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, с привлечением профессионального оценщика. Ключевую роль в процессе доказывания субъективных оснований играют презумпции, которые перемещают доказательственные риски. Закон о банкротстве презюмирует недобросовестность должника и третьих лиц (противников по оспариванию), что по мнению автора, является единственным способом преодолеть процессуальную асимметрию.

Судебная практика демонстрирует, что судьи не всегда способны разграничивать случаи объективных оснований недействительности и субъективных оснований недействительности, оценивая сделки с неравноценным встречным предоставлением на наличие недобросовестности сторон. Кроме того, суды нередко смешивают стандарт «другая сторона по сделке знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов» со стандартом «другая сторона по сделке знала и не могла не знать о том, что должник является неплатежеспособным или о наличии признаков недостаточности имущества», что обусловлено недоработкой законодателя, поскольку второй критерий в смысловом плане явно поглощает первый. Кроме того, следует отметить, что судами не в полной мере исследуется вопрос субъективной стороны, поскольку зачастую судебные акты не содержат достаточной мотивировки в отношении указанного критерия. Учитывая тот факт, что от прозрачности и точности применения принципа добросовестности зависит стабильность гражданского оборота, данному вопросу следует уделять особое внимание в рамках развития судебной практики.

Основные проблемы судебной практики, по мнению автора, вызваны ошибочной и запутанной законодательной классификацией оснований недействительности сделок в банкротстве.

Во третьем параграфе «Порядок признания недействительными сделок с предпочтением» автор отмечает, что сделки с предпочтением отличаются от «подозрительных сделок» тем, что наносят вред кредиторам косвенно, посредством изменения очередности исполнения их требований. Диссертантом анализируются критерии и условия признания сделок недействительными по данному основанию, а также способы обеспечения обязательств, влекущие предпочтение одному из кредиторов, к которым относят залог, право удержания, поручительство.

Автором делается вывод о том, что преференциальные сделки по законодательству о банкротстве Российской Федерации делятся на 1) преференциальные (с предпочтением) сделки, направленные на причинение вреда кредиторам (п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве); 2) преференциальные (с предпочтением) сделки, ненаправленные на причинение вреда кредиторам (п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве). Вместе с тем, классификация оснований, предусмотренных ст. 61.3 Закона о банкротстве не является прозрачной, что ведет к противоречивой практике судов, которые не видят отличий между субъективными и объективными основаниями недействительности в рамках ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Автор также делает вывод об ошибочности практики по признанию законности сальдирования при оценке его на соответствие ст. 61.3 Закона о банкротстве, поскольку сальдирование прямо нарушает принцип *pari passu* и как следствие должно признаваться недействительным.

Практика применения абз. 3, 4 п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве демонстрирует, что в большинстве случаев суды следуют букве закона и оценивают данные составы, как объективные. Вместе с тем случается и толкование *contra legem*, что подтверждает вывод автора в рамках пункта 2.3 Параграфа 2 Главы 2 настоящей работы - абз. 3, 4 п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве должны быть перенесены в категорию субъективных оснований.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные теоретические и практические выводы и предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации по вопросам, рассмотренным в диссертационном исследовании.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

В изданиях из Перечня ВАК РФ, Перечня РУДН:

1. Старцев Д. Расторжение сделки в процедуре банкротства. Краткий обзор // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 6. С. 191-194.

2. Старцев Д.Д. Тезисы о недействительности сделок, совершенных должником в преддверии банкротства. Иностранный опыт // Евразийский юридический журнал. 2023. №3 (178). С. 176-179.

3. Старцев Д.Д. Расторжение сделки по инициативе кредитора вне банкротного процесса. Краткий обзор // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Экономика и право" №7-2023 С. 156-159.

Научные труды, опубликованные ранее 5-летнего периода:

1. Ekaterina P. Rusakova, Nikita S. Kovalev, Aleksey A. Galustyan, Dmitry D. Startsev, Ilseiar N. Gubaidullina. Prospects of Mongolia in the Hi-Tech Era: Economic Impact of Innovative Development // Advances in Economics, Business and Management Research. 2019. Vol. 107. С. 92-95. DOI 10.2991/icefb-19.2019.23

2. Старцев Д.Д. Признак злоупотребления правом как ex post контроль за действительностью сделок на примере процедуры банкротства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №11. С. 138-141.

3. Старцев Д.Д. Злоупотребление правом как *per se* основание для признания сделки недействительной в банкротстве // Евразийский юридический журнал. 2018. №11. С. 150-152.

4. Старцев Д.Д. Субъекты оспаривания сделок и иных действий в банкротстве // Евразийский юридический журнал. 2018. №12. С. 92-95.

5. Старцев Д.Д. Тезисы о материальном и процессуальном эстоппелях в российском праве // Всероссийская конференция «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире» 22 января 2016 года: Сборник статей. М.: РУДН, 2016. С. 384-390.

6. Старцев Д.Д. Доктрина Enlighten Shareholder Value по английскому закону о компаниях 2006 года // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сборник статей Межвузовской конференции. Москва. 23 января 2015 г. М: РУДН, 2015. С. 213-219.

7. Селезнева Н.А., Старцев Д.Д. Юрисдикционный иммунитет государства и его собственности в гражданском судопроизводстве России, США и Великобритании // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6(85) С. 122-125.

8. Старцев Д.Д. Тезисы о доктринах участия третьих лиц в арбитражном соглашении // Международная научно-практическая конференция памяти д.ю.н. проф. В.К. Пучинского «Сравнительное право и проблемы частноправового регулирования в России и зарубежных странах». 17 октября 2015 года: Сборник статей. М.: РУДН, 2015. С. 384-390.

Старцев Дмитрий Дмитриевич

**ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ СДЕЛОК НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ В
БАНКРОТСТВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

(Российская Федерация)

Диссертационное исследование посвящено проблеме оснований и принципов признания сделок недействительными в банкротстве. Автором исследованы взгляды на институт банкротства, оказывающий значительное влияние на развитие гражданского общества, выраженные как в цивилистической доктрине, так и современном законодательстве Российской Федерации, выявлены общие закономерности развития понятий, относящихся к предметной области диссертационного исследования. В работе осуществлен сравнительно-правовой анализ доктринальных и законодательных подходов к указанной проблеме в Российской Федерации. В работе диссертантом выявлены текущие тенденции признания сделок недействительными в банкротстве и показано его развитие на исторических примерах. На основе проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию положений действующего законодательства Российской Федерации и судебной практики.

Startsev Dmitry Dmitrievich

**GROUND AND PRINCIPLES OF TRANSACTION AVOIDANCE IN BANKRUPTCY IN
RUSSIAN FEDERATION**

(The Russian Federation)

The dissertation research is devoted to the problem of grounds and procedure for declaring transactions invalid in bankruptcy. The author investigates the views on the institution of bankruptcy, which has a significant impact on the development of civil society, expressed in both the civil law doctrine and the modern legislation of the Russia. The author reveals the general patterns of concepts related to the subject area of the dissertation research. The work carried out a comparative legal analysis of the doctrinal and legislative approaches to this problem in Russia. The author investigates the views on the current trends in declaring transactions invalid in bankruptcy were identified and its shown using historical examples. On the basis of the analysis carried out in the work, the author prepared proposals to improve the provisions of the current legislation of the Russian Federation and judicial practice.